

Пищемуха В.Г.,
кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой общегуманитарных дисциплин
Международного гуманитарного университета

ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОЖЁГ 14-ГО ГОДА ЧАСТЬ I

«Ах, если бы вы знали, как недалеко,
как близко уже то время, когда будет
иначе!»
/ Фридрих Ницше. *«По ту сторону
добра и зла»*, 1886 /

Когда Париж
Нас приказом о мобилизации встретил,
То мы поняли оба, мой товарищ и я,
Что авто привезло нас в другую эпоху,
В Новый век.
/ Гийом Аполлинер. *«Маленькое авто»*, 1914 /

Аннотация. Статья привлекает внимание к историческому рубежу XIX и XX вв., каким явилась Первая мировая война. За основу исследования принято такое звено исторической памяти как «культура войны», в частности, военная литература. Под ней понимаются произведения, созданные участниками войны в период войны. На этом материале прослеживается глубокое изменение в сознании поколения фронтовиков, которое обобщено в понятии «ожёг 14-го года».

Ключевые слова: первая мировая война, историческая память, культура войны, военная литература, поколение фронтовиков.

Приближается «юбилейная» дата начала Первой мировой войны. Во времена СССР и позже это историческое событие было и остается на втором плане как в общественном сознании, так и в исторической науке. Аналогию можно провести с советско-финской «незнаменитой» (Александр Твардовский. *Две строчки*, 1943) войной, хотя причины умолчания были различные.

Например, в Одессе, которая хотя и не была в зоне боевых действий Первой мировой войны, но являлась крупным центром ближайшего тылового обеспечения, нет ни одного топонимического или мемориального знака памяти первой мировой войны. Попутно заметим, топонимика Одессы, как и многих других городов страны, амбивалентна — историческая память в результате симбиоза дореволюционных названий и последующих бесконечных переименований потеряла главное: укорененность и преемственность.

За последние десять лет проблематика истории Первой мировой войны получила известное отражение в научной литературе [1], но подходы к ней носят преимущественно традиционный характер. Еще в 1999 году французский историк

Жан-Жак Бекер привлёк внимание коллег к выработке новых подходов к изучению этой темы, в частности, к такому ее аспекту, как «культура войны»: «Это [...] понятие охватывает широкий круг явлений духовной жизни, возникших в результате воздействия войны на все стороны жизни европейцев, — образование, воспитание, семейные отношения, печать, религию, формы коллективного и индивидуального быта, ожидания, ценности и т.д. «Культура войны» включает в себя многое из того, что относится вообще к культуре — литературе, искусству и пр., но это более широкое понятие» [2, 49].

Если исходить из концепции «мест памяти» французского историка Пьера Нора [3], литература, особенно военная литература, приобретающая подчас сакральный характер, заслуживает такого признания.

Миллионы юношей, воспитанные многолетней проповедью патриотизма в школьных учебниках и увлеченные военной романтикой из уст талантливых европейских интеллектуалов, разочаровавшихся в пресной скуке обывательской жизни, с энтузиазмом, и во многих случаях добровольно, взяли в руки оружие. Они мечтали сделать что-нибудь значительное и благородное, испытать жизнь в ее наиболее интенсивных проявлениях. Выражая эти настроения, английский поэт Руперт Брук, который сам добровольцем ушел на войну, воскликнул:

Поблагодарим Бога,
Который разбудил нас от сна
И увлек нашу молодежь.
(Цикл «1914 и другие стихи», 1915)

А молодой немецкий студент писал своей семье: «Мои дорогие, гордитесь, что Вы живете в

такое время и среди такой нации и что Вы [...] имеете привилегию посылать тех, кого Вы любите на такое великолепное сражение» [4, 669].

Эта поистине религиозная радость войны ярко воплощена в поэтической реакции на нее Николая Гумилева (1886 — 1921), который выразил настроения значительной части своего поколения:

Променял постылую свободу
На веселый долгожданный бой.

В мае 1915 г., когда Италия наконец отважилась вступить в войну на стороне Антанты, Николай Гумилев посвятил восторженную оду Габриелю Д'Аннунцио, который вложил свою политическую страсть и литературный талант в борьбу за принятие этого решения:

Опять волчица на столбе
Рычит в огне багряных светов...
Судьба Италии — в судьбе
Ее торжественных поэтов.

.....
И в дни прекраснейшей войны,
Которой кланяюсь я земно,
К которой завистью полны
И Александр и Агамемнон,

Когда все лучшее, что в нас
Таилось скупое и суровое,
Вся сила духа, доблесть рас,
Свои разрушило оковы

.....
(«Ода д'Аннунцио», 1915)

Среди поэтов, участников Первой мировой войны, по возвышенности и благородству чувств с Гумилевым сравнима лишь военная поэзия Шарля Пегги:

Блаженны павшие за дух и плоть земли,
Но посланные в бой войною справедливой,
Блаженны павшие за мир необозримый,
Блаженны те, кто в битве смерть нашли.

.....
Мать, сыновья твои, что шли из боя в бой,
Убиты. Их тела лежат с другими рядом.
Пускай не будет бог им строгим судьей,
Их слишком часто жизнь сама поила ядом.
Мать, сыновья твои сражались как могли.
Да, жребий их жесток, но упрекнуть их не
в чем.

От Бога им нужна всего лишь горсть родной
земли,
Любовью к ней одной их путь земной отмечен.
(«Молитва о тех, кто погиб», 1912)

В отношении к войне и жизни в целом Николай Гумилев очень созвучен своим европейским ровесникам. Особенно поразительно его духовное сходство с еще одним романтиком войны, собратом по «международному ордену рыцарей-эстетов», немецким писателем и мыслителем Эрнстом Юнгером (1895 — 1998 гг.). Семнадцати лет, в последнем классе реального училища, начитавшись приключенческой и колониальной литературы, Юнгер сбежал из родительского дома. Во Франции он завербовался в Иностранный легион и был отправлен в учебную роту в Алжир. Это случилось в 1913 г. и если бы отец не разыскал и не вернул юношу домой, тот вполне мог встретиться в Африке с Николаем Гумилевым, который осенью 1910 г., вскоре после брака с Анной Горенко устремился в Африку.

Первого августа 1914 г. Эрнст Юнгер записался добровольцем в армию и уже в декабре оказался на Западном фронте в Шампани. Всю войну он провел в окопах, получил четырнадцать ранений и звание лейтенанта. При этом Юнгер умудрился вести на фронте военные дневники, которые после литературной обработки составили основу его знаменитой книги «В стальных грозах». В ней он попытался объяснить психологическое состояние своего поколения: «Мы покинули аудитории, парты и верстаки и за краткие недели обучения слились в единую, большую, восторженную массу. Нас, выросших в век надежности, охватила жажда необычайного, жажда большой опасности. Война, как дурман, опьяняла нас. Мы выезжали под дождем цветов, в хмельных мечтаниях о крови и розах. Ведь война обещала нам все: величие, силу, торжество» [5, 35].

Позже, когда придет время осмысливать и искать виновных, появятся различные версии катастрофы 14-го года: Версальская — об исключительной виновности Германии, классово-марксистская — об экономических интересах крупного капитала, версия «потерянного поколения» — об ответственности «отцов». Несомненно, уже само появление каждой из них свидетельствует о наличии определенных оснований для подобных утверждений, но вместе с тем, ни одно объяснение не может считаться исчерпывающим. «Это миф, что молодежь была безжалостно пожертвована в 1914 г. эгоистичными и циничными взрослыми [...] Первое «избалованное поколение» с энтузиазмом отправилось на войну, которую старшие, почти без исключения, принимали с ужасом или фатальным отчаянием» [6, 28].

Уже в первые месяцы войны в армии оказался цвет европейских наций, возможно, самое талантливое в художественном отношении поколение в истории континента. Невозможно

перечислить имена всех поэтов, писателей, художников, которые, пройдя через фронт, погибли или уцелели, но стали частью европейской культуры: французы Жорж Дюамель (1884-1966), Марсель Громер (1892-1971), Жан Ренуар (1894-1979), Анри Барбюс (1873-1935), Луи-Фердинанд Селин (1894-1961), Анри де Монтерлан (1896-1972), Гийом Аполлинер (1880-1914), Ролан Доржелес (1886-1973), немцы Эрнст Юнгер (1895-1998), Отто Дикс (1891-1969), Эрих-Мария Ремарк (1898-1970), Бертольд Брехт (1898-1956), англичане Ричард Олдингтон (1892-1962), Руперт Брук (1883-1915), итальянец Габриеле Д'Аннунцио (1863-1938), украинец Евген Маланюк (1897-1968), русский Николай Гумилев (1886-1921), швейцарец Блэз Сандра (1887-1961), чех Ярослав Гашек (1883-1923), венгр Матэ Залка (1896-1937) и многие другие.

Это поколение с воодушевлением отдалось новым ощущениям, в которых личность растворялась во всеобщем порыве, обретая, пусть и иллюзорное, ощущение надежности и осмысленности своего бытия. Еще Гюстав Флобер в романе «Воспитание чувств» (1843-1845) «показал своего героя..., зараженного этим коллективным опьянением...: «Его захватил магнетизм восторженных толп...Он трепетал от нахлынувшего чувства безмерной любви и всеобъемлющего, возвышенного умиления, как если бы сердце всего человечества билось в его груди» [7, 49].

Внешне казалось, что патриотический подъем и военный психоз охватил все население, кроме отъявленных пацифистов, русских большевиков и Жана Жореса. Любопытно сравнить с этой точки зрения парижские впечатления первых дней войны таких разных людей как военный атташе России во Франции с 1912 по 1917 год графа Алексея Игнатьева (1877-1954) и эмигрировавшего из России, беглеца на то время Ильи Эренбурга (1891-1967). Так вышло, что они оба, хотя и по разным причинам, пользовались капризной благосклонностью Сталина, выжили и опубликовали свои мемуары.

Эренбург видит происходящее глазами художника: «Трудно рассказать, что делалось в те дни. Все, кажется, потеряли голову. Магазины позакрывались. Люди шли по мостовой и кричали: «В Берлин! В Берлин!». Это были не юноши, не группы националистов, нет, шли все — старухи, студенты, рабочие, буржуа, шли с флагами, с цветами и, надрываясь, пели «Марсельезу»... Казалось, что человеческая река вышла из берегов, затопила мир» [8, 239].

Алексей Игнатьев более рационалистичен в своих воспоминаниях: «Я только что был на бульварах. Патриотический подъем большой.

Ils sont tous bien partis. (Они все хорошо начали поход.)...» [9, 434]. И далее: «Относительная слабость французской армии, ее техническая отсталость — все это искупалось в этот день общим патриотическим подъемом нации» [9, 442].

Но кроме общего патриотического порыва начального периода войны многими людьми двигало также простое чувство долга, личная сопричастность ко всему происходящему. Знаменитый французский кинорежиссер Жан Ренуар привел в своей книге об отце эпизод, когда семидесяти-трехлетний и почти парализованный Огюст Ренуар посетил его перед отправкой на фронт и на прощание сказал: «Нас подхватил поток. Было бы нечестно не быть со всеми» [10, 268].

Власть, естественно, внесла свое «организационное начало» в патриотический подъем первых дней войны, что сделало его несколько преувеличенным и даже истеричным. Это особенно заметно на примере Петербурга, ставшего в ходе войны Петроградом, и Берлина. Забавно, но именно в столицах этих полицейских государств, произошли инциденты: в Берлине толпа избивала граждан стран Антанты, а в Петербурге разгромила германское посольство. Ироничное замечание язвительного посла Франции в России Мориса Палеолога: «Но в этих манифестациях, столь многолюдных и появляющихся через такие правильные промежутки времени, какую часть надо приписать полиции?»

Я ставлю себе этот вопрос сегодня вечером [...], когда мне докладывают, что народная толпа бросилась на германское посольство и разграбила его до основания» [11, 60].

Независимо от калейдоскопа чувств, с которыми европейцы встретили войну, и от разнообразия мотивов, которыми они руководствовались в своем отношении к ней, большинство из них не предвидели ее истинного характера и масштабов. Многие находились под впечатлением книги видного пацифиста англичанина Нормана Анжелла «Великая иллюзия» (1910), которая почти сразу была переведена на большинство европейских языков. В ней автор утверждал, что при существующей военной и политической мощи ведущих держав и их всеобщей взаимозависимости победитель пострадает не меньше побежденного и это делает длительную войну просто невыгодной, а значит и невозможной.

В Германии фанатично верили в свой пресловутый «план», который требовал: «пусть крайний справа коснется плечом пролива». Вся философия войны строилась на превосходстве немецкого духа и скрупулезно просчитанном плане кампании, который должен был неукоснительно осуществляться. Мысли о возможности затяжной войны

в нем просто не могло быть места. Немцы свято верили в слова кайзера, сказанные солдатам в начале августа 1914 г.: «Вы вернетесь домой еще до того, как с деревьев опадут листья».

Французская вера в победу основывалась на доктрине наступательной войны, в основе которой находился не график сражений, разработанный в штабах, а *élan* (усилие, порыв). Маршал Фош признавал в своих мемуарах: «В 1914 г. в нашей армии превыше всего ставили наступательный дух [...]. Это приводило к слепой и прямолинейно-грубой, а следовательно, опасной тактике, к упрощенной, однообразной стратегии, зачастую бесплодной, бессильной и дорого стоящей» [12, 27]. Но эти самокритичные выводы будут сделаны много позже, а тогда, готовясь к войне, французские военные исходили из «плана — 17», принятого в 1913 г. и проникнутого духом Полевого устава, который начинался фразой: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого другого закона, кроме закона наступления» [13, 80].

Но ни мечтам экзальтированных юношей, ни планам расчетливых государственных мужей не суждено было сбыться. Кто бы мог подумать в июле или в августе, что уже очень скоро «военные астры» (Из стихотворения Осипа Мандельштама: «Я пью за военные астры, за все, чем корили меня, За барскую шубу, за астму, за желчь петербургского дня...») первых дней войны, которыми восторженные толпы сограждан провожали своих мужчин на фронт, станут горьким символом человеческой наивности и глупости.

Когда люди начинают осознавать, что свершилось непоправимое?

Германия, встретив не предусмотренное «планом» мужество короля Бельгии Альберта и героическое сопротивление его армии, начала нервничать. Сначала это проявилось в массовых расстрелах гражданского населения, а когда в конце августа был разграблен и сожжен средневековой город Лёвен, потрясенный мир сделал вывод — это «поход Чингис-хана» и «измена цивилизации». Затем последовало разрушение немецкой артиллерией французского шедевра мировой архитектуры — Реймского собора. Пропаганда стран Антанты эффективно использовала эти проявления тактики запугивания, создав прочный образ «германского варварства». Меньше всего немцы ожидали заслужить такое клеймо и вчистую проиграть в течение одного — двух месяцев психологическую войну.

Ну, а поражение на Марне поставило крест на «плане Шлиффена» и превратило в реальность самый большой кошмар Германии: войну на два фронта. Начало сбываться предсказание Мольтке — старшего, который в 1890 г. высказал пред-

положение: «Когда разразится война, нависшая над нашей головой как Дамоклов меч уже более 10-ти лет, то продолжительности ее и исхода нельзя будет предвидеть... Война эта может быть семилетней, может и тридцатилетней» [14, 194].

Не меньшее разочарование ожидало и французов. Пресловутый *élan* не удался, хотя генерал Жоффр до последней возможности пытался осуществить «план — 17» и ворваться в Лотарингию. Вместо прорыва немецкого фронта на центральном участке пришлось лихорадочно обороняться на правом фланге и спасать Париж. Но важнее военных поражений было психологическое потрясение французов. Столько лет патриотического воспитания молодежи, столько усилий по восстановлению международного статуса Франции, какое желание смыть позор Седана — и вот новая национальная катастрофа: враг снова у стен Парижа. И не смотря на успех на Марне, президент Пуанкаре не может в декабре 1914 г. скрыть горечь: «Фронт имеет теперь повсюду тенденцию к стабилизации. В районе Кенуа и Андешы мы продвинулись на двести или триста метров, на Эне и в Шампани — на несколько метров, в Аргоннах и перед Вокуа — на несколько сантиметров. При таких темпах понадобятся целые столетия, чтобы освободить Францию» [15, 265].

Последней отчаянной попыткой избежать длительной позиционной войны явилась операция, которая после битвы на Марне может восприниматься как военный курьез и которая доказала, что от великого до смешного может быть не один, а три шага.

К середине сентября, когда на огромном протяжении от швейцарской границы на юге до р. Уазы солдаты обеих воюющих сторон усердно принялись рыть окопы, севернее противники еще имели примерно 200 км свободного пространства, открытого для маневра. Следуя своеобразному танцевальному ритму, французы и немцы бросились к проливу Па-де-Кале, трижды поочередно пытаясь обойти друг друга и получить возможность продолжения наступления. Этот «бег к морю» продолжался 28 дней и каждый раз после очередного столкновения противники начинали окапываться. В итоге пулемет и обычная лопата развеяли все надежды на быструю победу. Начались тоскливые военные будни, прерываемые кровавыми судорогами бессмысленных наступлений.

Эрнст Юнгер: «Вместо ожидаемых опасностей были грязь, работа и бессонные ночи, для преодоления коих требовался тот род мужества, к которому мы были мало расположены. Еще хуже была скука, для солдат более убийственная, чем смерть» [5, 43]. Анри Барбюс писал жене 1 января 1915 г.: «Что за жизнь! Грязь, земля, дождь.

Мы пропитаны, окрашены, вымазаны землей. Земля повсюду: в карманах, в носовом платке, в складках одежды, в пище. Просто какое-то навязание, неотвязный кошмар земли и грязи; ты представить себе не можешь, на кого я похож, а моя винтовка точно вылеплена кое-как из глины» [16, 253].

Последний луч надежды на то, что люди смогут овладеть ситуацией, выходящей из-под их контроля и приобретающей иррациональный характер, промелькнул в рождественские дни 14-го года. Произошло невероятное: хотя правительства и проигнорировали призыв папы римского Бенедикта XV о перемирии на Рождество, к 6 часам вечера 24 декабря стрельба прекратилась. Это произошло по инициативе солдат и офицеров воюющих сторон, началось трогательное братание врагов, о котором с удивлением и умилением писали газеты и дух которого сохранился в солдатских письмах тех дней.

Прекраснодушное поколение 80-90-х гг. XIX века в конце 14-го года испытало ожёг историей, боль после которого навсегда останется в его психологии и исторической памяти, окажет влияние на образ мышления и характер поведения выживших его представителей. Одним из важнейших результатов той войны было появление новой социальной группы населения, которая не укладывалась в обычную структуру общества — ветеранов (фронтовиков). На наш взгляд, это понятие может быть применено не только к фронтовикам, а к поколению европейцев, которым к моменту начала войны исполнилось примерно 20-30 лет. Современник той эпохи свидетельствует в 1939 г.: «Поколение солдат почти не дало настоящих нацистов, среди них гораздо больше «ворчунов да молчунов», что вполне понятно, потому что тот, кто действительно прошел войну, вряд ли станет воспринимать ее так. (Исключения бывают [...]): есть вечные вояки, для которых военная действительность со всеми ее ужасами — самая подходящая среда, и они ее ищут потом вновь и вновь, и есть вечные «неудачники», которых эти ужасы и разруха только радуют; так они мстят жизни, в которой не сумели ничего добиться. К первому типу, видимо, принадлежит Геринг, ко второму — определенно Гитлер). Но в целом поколение нацистов — это те самые люди, которые родились в первом десятилетии века, с 1900 по 1910 год, и войны как таковой не видели, восприняв ее только как большую игру» [17].

Формирование нового, свободного от влияния национализма и милитаризма сознания, проникнутого гуманистическими ценностями, уважением к человеку первой зафиксировала «культура войны», особенно литература. Отрезвление,

начавшееся с потрясений 1914 г., ярко отражено в произведениях фронтовиков, написанных и вышедших в свет еще в период войны или сразу после нее. Показателен в этом отношении пример поэтов Гийома Аполлинера и Блэза Сандра, которые добровольно пошли на фронт и очень быстро поняли бесчеловечную природу войны, расплатившись с ней, первый своей жизнью, второй — потерянной рукой («Я человек, у которого больше нет прошлого. Только обрубок руки мне боль причиняет»):

Земля пирует сегодня, земля голодна,
Она открывает поблекшие длинные рты,
И вот каннибальский пир Валтасара в разгаре.
Кто бы подумал, что людоедство может дойти до такого предела

И нужно так много огня, чтоб изжарить людские тела!

(Гийом Аполлинер, «Чудо войны», 1915)

Нота обреченности и смерти составила пафос одного из лучших военных стихотворений Руперта Брука — знаменитого сонета «Солдат» (1915), в котором он как-будто предчувствовал свою смерть, наступившую на греческом острове Скирос во время Дарданельской операции:

Когда умру, об этом думай вот что:
В чужом краю есть в чистом поле кочка.
(Там сто рядов по десять кочек в ряд)
Под ней зарыт английской пыли клад.

Тот клад родился при английских звёздах;
Когда он рос, вдыхал английский воздух;
Английские любимой рвал цветы,
Гуляя до английской темноты.

И вот теперь, под чуждым дёрном лёжа,
В чужой земле (глубоко — метра три)
Стучит в неё, как сердце, изнутри,
И это на английский гимн похоже.

Большой резонанс в сознании современников вызвал «окопный» роман Ролана Доржелеса (1886-1973) «Деревянные кресты» (1919), проникнутый глубоким человеческим состраданием к погибшим товарищам: «Я думаю о тысячах ваших деревянных крестов, вытянувшихся вдоль больших пыльных дорог, где они, кажется, ждут, когда их придут сменить в карауле живые, а они никогда не придут на смену мёртвым. Кресты 1914-го, украшенные детскими флажками, похожи на эскадры в праздничном убранстве, кресты в нахлобученных фуражках, кресты в касках, кресты из лесов Аргоны [...]. Сколько их ещё стоит, крестов, которые я ставил?» [18, 1511].

Разумеется, сегодня произведения фронтовиков, с литературной точки зрения, весьма уязвимы. Максимилиан Волошин писал летом 1915 г.: «Все, что пока пишется о войне (кроме солдатских писем) в прозе и стихах, — это еще не настоящая поэзия, не художественная литература [...]. В искусстве война начнет приносить свои плоды только тогда, когда она будет кончена, и еще много лет спустя» [19]. Но в годы войны и после нее современники слышали в этих книгах крик о растоптанной человечности, они отчаянно поддерживали в людях веру в ту истину, которую немецкий писатель Леонгард Франк (1882-1961) вынес, как заклинание, в заглавие своего знаменитого сборника новелл «Человек добр» («Der Mensch ist gut», 1916-1917).

Именно документальная точность чувств и ситуаций, полное доверие к авторам, вызывавшие острое сопереживание читателей, составило самые сильные качества литературы военного времени. Не случайно Жорж Дюамель назвал свои рассказы о войне «Свидетельствами» («Témoignages», 1917-1918) и изложил свое авторское кредо по отношению к фронтовым товарищам: «Ни одна морщинка на ваших лицах не ускользает от меня, я воспринимаю весь ваш ужас, дрожь вашего истерзанного тела. Ваши простые слова, ваши крики, вздох пробудившейся надежды — я записываю в тот торжественный час, когда больше нельзя говорить» [20, 256].

Как сказал Иоганнес Бехер о писателях военного времени, они «писали во время войны против войны, а не после войны о войне».

О степени воздействия ранних антивоенных произведений на современников очень ярко свидетельствуют первые многочисленные отклики на самый известный «окопный» роман — «Огонь» (1916, Гонкуровская премия того же года) Анри Барбюса, которые пришли от «пуалю» (фр. «poilu» — «храбрец» — так называли себя солдаты, сражавшиеся на фронтах Первой мировой войны), писателей, просто частных лиц. Вот только один характерный отклик: «Я не разделяю Ваши политические взгляды и отношусь скептически к перспективе международного братства, в которое Вы верите. Но Вы создали скорбную поэму окопной жизни. Вы с такой искренностью и с таким волнением высказали свое сочувствие бедному «пуалю», что мы все, сколько нас есть, всегда будем Вам за это благодарны» [16, 395]. И подпись: «Гассэ, 7-й артиллерийский полк, 7-я батарея. 31 мая 1917 г.».

Характерным литературно-художественным свидетельством перемен, происходивших в сознании европейцев в военные и послевоенные годы является история успеха одного из шедевров

мировой литературы — эпопеи Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Опубликованная до войны первая книга цикла «По направлению к Свану» (1913) не имела успеха, Андре Жид, например, назвал ее произведением «светского дилетанта». Успех пришел, когда с фронта вернулись люди, пережившие войну. Они остро нуждались в своеобразной психологической реабилитации — катарсисе, который позволил бы им снова обрести смысл жизни и найти опору если не в настоящем, то хотя бы в светлых воспоминаниях довоенного детства и юности. Память, которая была «единственным средством обрести Утраченное время» (*Марсель Пруст*), позволяла с помощью великого писателя проникнуться, например, красотой цветущих яблонь на фоне далекого морского горизонта, которая «...трогала до слез, потому что, каких бы эффектов утонченного искусства она ни достигала, чувствовалось, что это красота естественная, что яблони стоят в чистом поле, точно крестьяне на одной из дорог Франции. Затем лучи солнца вдруг сменились лучами дождя; эти лучи исполосовали даль и набросили на вереницу яблонь серую сеть. Но яблони все так же высили свою цветущую розовую красоту под уже ледяным ветром и проливным дождем: была весна» [21, 194].

В Первой мировой войне приняло участие, видимо, самое большое за всю историю человечества количество уже состоявшихся или заявивших о себе в будущем деятелей литературы и искусства. Это обусловлено как ее масштабностью, так и особой интенсивностью духовной жизни в начале XX века. Поэтому фиксация в литературе «культуры войны», непосредственно сопутствовавшая самой войне, так и ее наследие, проявившееся уже в мирное время, является продуктивным.

Если искусство, как известно — это диалог между эпохой и человеком, тогда его творцы предстают самыми чувствительными историческими приборами, тонко улавливающими тенденции, дух и настроения времени. Андре Моруа высказал глубокую и справедливую мысль: «...поэты являются, быть может, настоящими историками» [22, 397]. Свидетельством этому является перелом в настроениях и ощущениях, который наступил в военной литературе в ходе первой мировой войны и который отразил начало тех тектонических процессов в истории XX века, которые предвосхищены в эпиграфах к данной статье.

Эпилог. Ожог 14-го года и последующий ход первой мировой войны высветил углубление иррационализма общественного развития. Мировые войны, как гекатомбы человечества, вызывают почтительный ужас и недоумение разума: как это могло произойти? И если в отношении Второй

мировой войны вполне согласованы ее каузальные истоки, то первая — продолжает оставаться проблемой. Возможно, последнюю масштабную попытку ответить на этот вопрос осуществил Жан-Батист Дюрозель в своей итоговой работе «Великая война французов (1914 — 1918). Непостижимое». Он составил детальнейшую таблицу взаимных обвинений и оправданий всех участников первой мировой войны, скрупулезно описал и проанализировал их мотивы и интересы. В итоге, наиболее убедительной оказалась причина, которую автор определил как «инфернальный механизм»: «Мы, конечно, не изобрели это слово, механизм. Его автором был Жан Жорес [...]». Как предупреждал Жорес, главной причиной войны может быть механизм слишком тесных альянсов, с их автоматическими защелками [...], которые фатально приводят к нарушению равновесия и к войне» [23, 40]. Много ранее на возрастающую неадекватность принимаемых решений новому состоянию общества указывал Поль Валери, осмысливая, в частности, опыт первой мировой войны: «Политические феномены нашей эпохи невиданно усложняются [...], реакции современного человечества больше нисколько не соответствуют исторической геометрии и политической механике» [24, 64, 67].

Литература:

1. Туполев Б. М. Происхождение первой мировой войны / Б. М. Туполев // Новая и новейшая история. — 2002. — № 4-5; Севрюкова А. О. Нейтралитет и оборона Бельгии в преддверии первой мировой войны / А. О. Севрюкова // Новая и новейшая история. — 2003. — № 2; Академик Тихвинский С. Л. Обобщающее исследование истории мировых войн XX в. // Новая и новейшая история. — 2003. — № 6; Нагорная О. С. Русские генералы в германском плену в годы Первой мировой войны / О. С. Нагорная // Новая и новейшая история. — 2008. — № 6.
2. Бекер Ж.-Ж. Новое в изучении истории первой мировой войны / Ж.-Ж. Бекер // Новая и новейшая история. — 1999. — №2. — С. 44-52.
3. Нора П. Франция — память / П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж, М. Винок. — СПб : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — 333 с.
4. Western Civilization. Ideas, politics & society. — Boston, 1989.
5. Юнгер Э. В стальных грозах / Э. Юнгер. — СПб : Владимир Даль, 2000. — 336 с.
6. Джонсон П. Современность: мир с двадцатых по девяностые годы / П. Джонсон. — Т. 1. — М. : Анобис, 1995. — 528 с.
7. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. — М. : Центр психологии и психотерапии, 1996. — 478 с.
8. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Книга 1 и 2 / И. Эренбург. — М. : Советский писатель, 1961. — 635 с.
9. Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю / А. А. Игнатъев. — М. : Воениздат, 1988. — 752 с.
10. Ренуар Ж. Огюст Ренуар / Ж. Ренуар. — М. : Искусство, 1970. — 310 с.
11. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны / М. Палеолог. — М. : Международные отношения, 1991. — 336 с.

12. Фохт Ф. Воспоминания (война 1914 — 1918 гг.) / Ф. Фохт. — М. : Воениздат, 1939. — 432 с.
13. Такман Б. Августовские пушки / Б. Такман. — М. : Молодая гвардия, 1972. — 271 с.
14. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914 1918 гг. / Э. Людендорф. — М. : Высший военный редакционный совет. Государственное издательство. 1923. — 800 с.
15. Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за девять лет : в 2 т. / Р. Пуанкаре. — Т. 1. — М. : Гос. социал.-эконом. изд., 1936. — 528 с.
16. Барбюс А. Огонь / А. Барбюс. — М. : Наука, 1985. — 507 с.
17. Хафнер С. Биография одного немца. Воспоминания 1914 — 1933 гг. / С. Хафнер // Иностранная литература. — 2002. — №2.
18. Империи и колонии. Взбудораженная Европа. — М. : Терра, 1994. — 1693 с.
19. Волошин М. Париж и война. Жертвы / М. Волошин // Биржевые ведомости. — 26.06.1915.
20. История французской литературы. Т. IV. — М. : Изд-во АН СССР, 1963. — 653 с.
21. Пруст М. Содом и Гоморра / М. Пруст. — М. : Художественная литература, 1987. — 559 с.
22. Моруа А. Литературные портреты / А. Моруа. — М. : Прогресс, 1970. — 454 с.
23. Duroselle J.-B. La grande guerre des Français (1914—1918). L'incompréhensible / J.-B. Duroselle. — Paris : Perrin, 1994. — 515 с.
24. Valéry P. Regards sur le monde actuel / P. Valéry. — Paris : Librairie Stock, Delamain et Boutelleau, 1931. — 216 с.

Пищемуха В.Г. Военна література та історична пам'ять Першої світової війни: опік 14-го року. — Стаття.

Анотація. Стаття привертає увагу до історичного рубежу XIX — XX ст., яким є перша світова війна. Дослідження базується на такій ланці історичної пам'яті як «культура війни», зокрема, воєнна література. Під нею розуміються твори, створені учасниками війни в період війни. На цьому матеріалі відслідковуються глибокі зміни в свідомості покоління фронтовиків, яке узагальнене в понятті «опік 14-го року».

Ключові слова: перша світова війна, історична пам'ять, культура війни, воєнна література, покоління фронтовиків.

Pischemukha V.G. Literature about war and historical memory for the World War I: shock of the 1914. — Article.

Summary. The article draws attention to the historical turn between the XIX and XX centuries when the World War I took place. The research is grounded on such an element of historical memory as «culture of war», in particular, on the literature about war. This matter allows to trace the fundamental change in mind of war veterans generation, that is generalized in the concept «the shock of the 1914».

Key words: World War I, historical memory, culture of war, literature about war, generation of war veterans.